

КОНЦЕНТРАЦИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ВНИМАНИЯ ПРИ ОПИСАНИИ ОПЫТА СОЦИАЛЬНОЙ ЭКСКЛЮЗИИ И ИНКЛЮЗИИ

Григорьева Л.М.

магистр лингвистики, соискатель кафедры психологии человека, ФГБОУ ВО РГПУ им. А.И. Герцена; 191186, Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48;
E-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

Аннотация. В ходе исследования индивидуального внимания в соответствии с выделяемыми В. И. Страховым характерными особенностями, такими как: внимание к деталям изучаемого объекта и процесса деятельности; уточнение и углубление анализа; сосредоточение на элементах упражнения в их взаимосвязности, было замечено, что при описании опыта социальной эксклюзии (остракизма) концентрация индивидуального внимания повышается по сравнению с описанием опыта инклюзии. Это позволяет сделать вывод о том, что эмоциональное возбуждение, возникающее при описании травматичного социального опыта, индивид чувствует себя сопричастным происходящему, в следствии чего сильнее концентрируется на описании ситуации и шире развернуть ее, с целью компенсации одной из фрустрированных потребностей: в контроле или осмысленном существовании.

Ключевые слова: интеллектуальное внимание, остракизм, социальная эксклюзия, социальная инклюзия, текст, психолингвистический анализ.

CONCENTRATION OF INTELLECTUAL ATTENTION IN DESCRIBING THE EXPERIENCE OF SOCIAL EXCLUSION AND INCLUSION

Grigorieva L.M.

Master of linguistics, applicant, department of human psychology, FSFEE HE RSPU by A.I. Herzen;, 48, nab. Moika River, Sankt-Petersburg,191186;
E-mail: lidia.grigorevalg@gmail.com

Summary. In the course of the study of individual attention in accordance with the characteristic features highlighted by V. I. Strakhov, such as: attention to the details of the object under study and the process of activity; clarification and deepening of the analysis; focusing on the elements of the exercise in their interconnection, it was noticed that when describing the experience of social exclusion (ostracism), the concentration of individual attention increases in comparison with the description of the experience of inclusion. This allows us to conclude that the emotional arousal that occurs when describing a traumatic social experience, the individual feels involved in what is happening, as a result of which he concentrates more on describing the situation and expands it more broadly, in order to compensate for one of the frustrated needs: control or meaningful existence

Keywords: intellectual attention, ostracism, social exclusion, social inclusion, text, psycholinguistic analysis.

Описывая психологические особенности внимания, В.И. Страхов вводит понятие интеллектуального внимания, связанное с сосредоточенностью и направленностью мысли [3], в ряду характерных особенностей которого выделяются: внимание к деталям изучаемого объекта и процесса деятельности; уточнение и углубление анализа; сосредоточение на элементах упражнения в их взаимосвязности.

Целью нашего исследования стала характеристика интеллектуального внимания при описании опыта остракизма.

Остракизм, социальное исключение (экслюзия) – негативный социальный опыт, противоречащий цели социализации – гармоничному развитию личности – последние годы вызывает все больший исследовательский интерес. Под остракизмом понимают – игнорирование, отвержение, исключение кем-то кого-то [1]; феномен, когда человек не может быть равноправным членом определенной социальной группы [9]; отвержение от желаемых отношений или социальных групп [4].

Исключению из группы, или негативному опыту социализации, может быть подвержен каждый человек в какой-либо период времени, в этом проявляется одна из ее отличительных черт – тотальность.

Описывая феномен социальной экслюзии, К. Д. Вильямс разграничивает длительность и характер негативного опыта социального исключения и разрабатывает теоретическую модель остракизма «The temporal need-threat model of ostracism» [10], в которой описывается фрустрирование четырех фундаментальных потребностей индивида: в принадлежности, самоуважении, контроле и осмысленном существовании.

Нарушение потребности в принадлежности считается основным негативным последствием опыта социальной экслюзии. Опыт исключения устраняет чувство принадлежности к группе или диаде. Переживая последствия данного негативного опыта, человек стремится восстановить потребность в принадлежности через расширение социального взаимодействия, поиск и общение с новыми людьми, заискивание [5; 6].

По мнению Вильямса, опыт исключения оказывает негативное влияние на самооценку, указывая на то, что человек недостаточно ценен, чтобы быть признанным другими, кроме того, самооценка снижается через двусмысленность ситуации. Исключение может быть продемонстрировано неоднозначно, неявно, в результате чего человек, подвергшийся ему, выносит неверные предположения о причине данного опыта, которые будут иметь более негативные и значимые последствия. По причине нарушенной потребности в самоуважении люди демонстрируют снижение самоконтроля и стрессоустойчивости погружаются в самообвинение – наносят ущерб разным сферам своей жизни.

Опыт исключения приводит также с снижению способности реагировать и контролировать ситуацию. В попытках удовлетворить нарушенную потребность в контроле люди выполняют меньше просоциальных действий, ведут себя более агрессивно, демонстрируют антиобщественное поведение.

Опыт исключения подрывает веру человека в то, что люди видят и признают его существование – этим нарушается потребность в осмысленном существовании. Пытаясь восстановить потребность в существовании, человек занимается поиском внимания, при этом прибегая к насильственным стратегиям.

Исследуя феномен остракизма, исследователи обращают внимание на речь участников опыта. Так, группа немецких ученых, в ходе психолингвистического эксперимента выявила некоторые специфические черты языка жертв остракизма, такие как: количественное соотношение простых и сложных предложений, местоимений первого лица, определенных артиклей, а также некоторые характерные грамматические характеристики лексики [7].

В ходе исследования языка остракизма [2], в котором на языковом уровне были прослежены различия в интенсивности переживания опыта, что отобразила разница в объеме слов и предложений, количестве использования глаголов, словарном разнообразии между группами текстов с максимальной и минимальной остротой переживания опыта, были замечены особенности интеллектуального внимания, характерные при описании ситуаций исключения с большей и меньшей степенью болезненности. Это послужило поводом для дальнейшей работы.

Для исследования особенностей интеллектуального внимания при опыте остракизма, был проведен эксперимент, в котором респондентов попросили описать картинку от лица любого персонажа. Представленные картинки отображали а) ситуацию социальной эксклюзии; б) ситуацию социальной инклюзии. Для описания были предложены следующие вопросы:

1. Что за ситуация изображена на картинке?
2. Что за момент изображен на картинке?
3. Что происходит с героями?
4. Что было до этого момента, раньше (в прошлом по отношению к нему?)
5. Что будет после этого момента, дальше (в будущем?)
6. Что чувствует герой рассказа до ситуации, во время ситуации и после нее?
7. Что думает герой рассказа (его рассуждения, мысли, решения) до ситуации, в момент ситуации и после нее?

Из полученных в ходе эксперименты текстов (N 60) были отобраны варианты, удовлетворяющие критериям текстов (связность элементов, законченность, воспроизводимость) (N 40) и распределены по двум связанным группам (N1 20, N2 20). В дальнейшем данные тексты подверглись психолингвистическому анализу. Было проанализировано соответствие полученных текстов трем особенностям интеллектуального внимания: а) внимание к деталям изучаемого объекта и процесса деятельности б) уточнение и углубление анализа; в) сосредоточению на элементах задания в их взаимосвязности. Каждому соответствию ответа респондента заданному вопросу (всего вопросов 7) присваивался 1 балл.

В результате мы получили следующие данные.

Общее количество текстов, с наивысшими числовыми показателями интеллектуального внимания на 30% выше при описании ситуации социальной эксклюзии по сравнению с описанием ситуации инклюзии. Это свидетельствует о том, что концентрация внимания при описании

травматичного негативного опыта выше, чем при описании позитивного социального опыта. Можно полагать, что концентрация интеллектуального внимания в данном случае связана с потребностью человека компенсировать одну из фрустрированных при остракизме потребностей, например, в контроле или осмысленном существовании.

Выводы

Нами была предпринята попытка охарактеризовать соотношение концентрации интеллектуального внимания с ситуациями социальной эксклюзии и инклюзии. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что при описании ситуации негативного социального опыта концентрация интеллектуального внимания индивида выше, нежели при описании позитивного социального опыта. Это может свидетельствовать о том, что человек быстрее присоединяется к боли персонажа, из-за эмоционального возбуждения, чувствует себя сопричастным происходящему, в следствие чего лучше концентрируется на описании ситуации и шире разворачивает свой рассказ, с целью компенсации одной из фрустрированных потребностей: скорее всего, в контроле или осмысленном существовании. Описание позитивного социального опыта не предполагает такого эмоционального присоединения к персонажу, что отражается на снижении концентрации внимания и, видимо, нисходящему интересу к участию в эксперименте.

Библиографический список:

1. Бойкина Е.Э. Чиркина Р. В. Социальный остракизм: современное состояние проблемы, методология и методы исследования // Методологические проблемы юридической психологии. // Психология и право 2020. Том 10. №1. С. 154.
2. Григорьева Л.М. Язык остракизма: лингвистические маркеры болезненности опыта социального исключения // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. Том 6. №2 (22). С. 69 – 86.
3. Страхов И.В. Направленность внимания в процессе чтения художественных произведений // Вопросы психологии внимания. Выпуск VI. Саратов, 1974. С. 35-42.
4. Шульмин М.П. Психологические факторы переживания личностью социальной эксклюзии. // Сибирский психологический журнал. 2018. № 70. С. 19.
5. Carter-Sowell A.R, Chen Z., Williams K.D. Ostracism increases social susceptibility // Social Influence. 2008. № 3. P.143–153.
6. DeWall C., Baumeister R.F., Vohs K.D. Satiated with belongingness? Effects of acceptance, rejection, and task framing on self-regulatory performance // Personal Social Psychology. 2008. № 95. P.1367–1382.
7. Klauke, F., Müller-Frommeyer, L. C., and Kauffeld, S. Writing about the silence: identifying the language of ostracism. 2020. J. Lang. Soc. Psychol. 39, 751–763.
8. Riva P., Montali L., Wirth J.H., Curioni S., Williams K.D. Chronic social exclusion and evidence for the resignation stage: An empirical investigation // Journal of Social and Personal Relationships. 2017. № 4. P.81-90.
9. Sen A. Social Exclusion: Concept, Application, and Scrutiny. Manila, 2000.
10. Williams K.D. Ostracism: a temporal need-threat model // Advances in Experimental Social Psychology. 2009. № 41. P. 279–314.